

Вообще, с нашей точки зрения, мировоззрение и мироощущение Льва Дякона нуждаются в пристальном внимании. Напомним, Лев первый после VII в. византийский историк с ярко выраженной субъективной позицией и четкими непосредственно выражаемыми взглядами, явно более сложными и оригинальными, нежели «соединение античного и христианского».

Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. Отв. ред. чл.-корр. АН СССР Г. Г. Литаврин. М., 1988. 271 с.

Рецензируемая книга вызывает острый интерес прежде всего необычностью постановки исследовательской задачи. Авторы отнюдь не интересуют чисто фактические, подчас прекрасно уже изученные механизмы принятия христианства в тех или иных государствах, княжествах и т. п. Сравнительно небольшое по объему, но весьма масштабное по характеру охватываемых проблем исследование ставит своей основной целью реализацию системного подхода к изучению данного исторического процесса. Подвергая фронтальному анализу процессы христианизации на громадных пространствах Центральной и Юго-Восточной Европы, авторы всюду останавливают свое внимание на главных моментах: какова стадия социально-политического развития к моменту принятия христианства; каким было соотношение роли внутренних и внешних факторов, определивших именно христианизацию; причины восприятия идеи западнохристианской или восточнохристианской церкви; основные этапы христианизации; роль церкви в раннефеодальном обществе, отношения со светской властью; реакция на христианизацию народных масс.

Создание столь хорошо организованного контекста, по замыслу авторов, должно иметь немалый эффект, так как в рамках системного подхода при реализации исследования выявляется некая общая и довольно четкая структура процесса христианизации. Сквозь призму этой структуры возможен более глубокий анализ и осмысление ряда моментов, трудно поддающихся исследованию в их, так сказать, изоляции от иных потоков системы.

В книге изучены процессы христианизации в Карантанском княжестве и в среде славянского населения Византии, в Болгарии и у южных славян Балканского полуострова и Адриатики, в Великой Моравии и Венгрии, в Чехии, Польше и в среде полабских славян.

Практически во всех регионах до-

Остается выразить горькие сожаления, что наши аргументы уже не в состоянии парировать сам профессор Сюзюмов. Он наверняка был бы рад услышать возражения своим взглядам. Михаил Яковлевич был увлекательным полемистом и лучше других понимал, что только в споре рождается истина.

Я. Н. Любарский

вольно явственно обнаруживается объективная предрасположенность к христианизации в силу соседства тех или иных языческих народов и их включенности в орбиту внешнеполитического и культурного влияния могучих христианских государств: империй Каролингов и Византийской. Почти все регионы испытали этап раннего проявления этого влияния в виде постепенного проникновения деятельности христианских миссионеров-проповедников. Разная степень восприятия идей христианства на этом этапе была обусловлена прежде всего политической ситуацией. Сильное сопротивление христианизации встретила прежде всего там, где она отождествлялась с потерей политической независимости (полабские славяне). Однако именно там мирное миссионерство быстрее всего переходило в насильственную христианизацию. Лишь политика Византии по отношению к своим «внутренним» славянам была здесь явным исключением.

Наиболее общей и вместе с тем наиболее важной закономерностью для политической ситуации Центра и Юго-Востока Европы является тот факт, что зарождение у тех или иных славянских языческих народов классового общества и государства с неизбежностью вело к христианизации. Именно она в данном ареале была способом утверждения идеологического, культурного и политического паритета в межгосударственных связях и отношениях. Огромная роль этого фактора в жизни тогдашних социополитических организмов вполне очевидна. Ведь классовые общества этих регионов, как правило, вырастали из обществ «военной демократии», где войны были одним из важных способов получения прибавочного продукта. Там, где создание государственного организма несколько обгоняло формирование его классовой опоры, наблюдалось явное замедление процесса христианизации, осложненность его протекания различного рода социальными взрывами в виде антихри-

стианских восстаний, реставрации язычества и т. п.

Близка к этой ситуации аналитично написанная история крещения славян в Болгарии. На наш взгляд, позднее проникновение христианства здесь обусловлено и языческим дуализмом болгарского общества VII—первой половины IX в., драматизм которого четко обрисован Г. Г. Литавриным, и уровнем развития самого государства, политическая организация которого лишала господствующий класс возможности форсированной консолидации. Не исключено, что причина тому кроется не только в этнической сплоченности общества, но и в государственной природе «славиний», автономия которых долго тормозила все основные процессы преобразования в классовое общество. Этот процесс стал бурно развиваться лишь после реформ Омуртага, введенного настоящего государственного административного деления и т. д. Вполне логично, что Г. Г. Литаврин отмечает уже реальные процессы христианизации именно с 30-х годов IX в., что в итоге в создавшейся в начале 60-х годов внешнеполитической ситуации привело князя Бориса к самостоятельному решению о крещении (с. 46—45).

Еще более сложен был процесс христианизации на территории сербов, хорватов и других югославянских народов (автор главы Е. П. Наумов). Политическая раздробленность и сепаратизм были здесь многократно усилены воздействием разных церковно-политических влияний, ибо здесь активно (начиная с VII в.) действовали римская курия, Аквилейский патриархат, восточнохристианские миссионеры и т. д. Борьба за политическое влияние тесно переплеталась с процессом христианизации, до крайности осложнив его. Крещение хорватов и особенно сербов завершено было лишь к концу IX в. в условиях политического партикуляризма и сложного переплетения сфер влияния восточного и западного христианства. А это сделало крайне замедленным процесс создания здесь церковных организаций, служивших орудием политических влияний и политического господства.

Как известно, литература о деятельности Кирилла и Мефодия в Великой Моравии достигает необъятных размеров, что создавало для авторов потенциальную опасность буквально утонуть в потоке фактов, подробностей и т. п. Однако фронтальный подход к решению вопроса о закономерностях процесса христианизации народов Центра и Юго-Востока Европы позволил Б. Н. Флоре (автору главы о крещении в Великой Моравии, Чехии и Польше) дать чрезвычайно

точную, емкую, хотя и лаконичную характеристику роли и места моравской миссии в общем процессе христианизации народов данного ареала.

Моравская миссия — это главным образом проблема создания церковной организации в Великоморавском княжестве — таково историческое место этого события в общем контексте исследования. Исследование Б. Н. Флора позволяет говорить о том, что первый, баварский, этап христианизации сыграл для Великой Моравии более существенную роль, чем это принято считать. Деятельность баварских миссионеров в пределах Великой Моравии в первой половине IX в., и прежде всего миссионеров из Пассау, привела, видимо, к охвату христианизацией всей страны, хотя наряду с ними здесь, вероятно, действовали и посланцы Аквилеи и, возможно, даже миссионеры византийской ориентации. Книга дает основание сделать и другой вывод — социальная структура общества Великой Моравии и особенно верхушка его зарождавшегося господствующего класса вполне созрела для этой так называемой формальной христианизации. Рекая переориентация князя Ростислава на восточнохристианский центр — Константинополь была вызвана, как справедливо считает автор, тем, что за масштабной деятельностью баварских миссионеров, за развернувшимся процессом подготовки кадров церкви, за деятельностью по созданию церковной организации во главе с архиереями глава Великоморавского княжества почувствовал явные тенденции к теократии. Его обращение к византийскому императору очень напоминает метания между Западом и Востоком болгарского князя Бориса, а также поворот от Византии к западной церкви главы венгров Гезы. Ростиславу, как и Борису, нужна была прежде всего независимая, по крайней мере автономная церковь. Таким образом, главный стержень деятельности Кирилла и Мефодия не собственно христианизация, а вопрос «церковного строения».

В главе хорошо показано, что деятельность солунских братьев вышла далеко за рамки «программы» верхушки господствующего класса Великой Моравии. Гибкая дипломатия братьев, формальное шефство Рима помогли им поначалу выстоять в борьбе с могучим западным клиром. Но довольно прочные корни, пушечные баварскими миссионерами, в частности эффективность внедрения в массы практики богослужения путем перевода на славянский язык основных молитв и исповедальных формул, заставили братьев сделать принципиально новый шаг. Это было создание славянской

азбуки, а вслед за ней и славянской письменности в лице целого цикла литературных памятников.

Деятельность Кирилла и Мефодия стала важным этапом на путях развития славянской культуры и прежде всего в освоении традиций античной и византийской культур.

Б. Н. Флоря убедительно показал важнейшие причины поражения православной миссии солунских братьев. Одна из них — форсированное внедрение системы наказаний за нарушение христианской морали. Как известно, одним из итогов деятельности братьев было создание «Закона Судного людям» — типичного раннехристианского кодекса законов, базирующегося на альтернативности наказаний при явном преимуществе системы епитимийных санкций в сравнении с физическими наказаниями (заимствованными из византийской Эклоги). Вместе с тем автор подчеркивает, что церковные санкции ЗСЛ были гораздо более суровыми, чем нормы аналогичных церковных наказаний за нарушение христианской морали, устанавливаемые каролингским духовенством. Причем практику последних явно предпочитали и великоморавские феодалы. Все это, не считая прочих обстоятельств, и склонило чашу весов в пользу немецкого духовенства.

Реальную, твердую опору в лице господствующего класса в борьбе церкви за соблюдение норм христианской морали мы видим лишь почти 200 лет спустя в Чехии, где при Бржетиславе церковь в союзе с государственной властью проводила жесткие законы против остатков язычества (с. 141—142).

Одним из существеннейших компонентов коллективной монографии служат исследовательские оценки обстоятельств и характера актов крещения как своего рода индикатора социально-политической зрелости того или иного общества. Там, где господствующая верхушка решительно проводит христианизацию, не ограничиваясь верхушечным актом крещения князя и его окружения, там проявляет себя «незримое» для историков (из-за скудости источников), но явно сильное и сложившееся раннеклассовое государство. Этот метод — большая удача книги и наиболее яркое подтверждение ее — судьба христианизации Полабья, где политическая конфронтация с соседом, могучей христианской империей, способствовала консервации язычества и даже его наивысшему развитию. В свою очередь, усиление язычества явно задерживало трансформацию механизмов управления, консервируя его на стадии развития лишь элементов государственности. Христианизация

стала здесь реальностью лишь вместе с политической гибелью государственных образований.

Данная закономерность, видимо, проявляет себя лишь как тенденция и весьма далека от жестко детерминированных взаимосвязей (авторы подчеркивают это в заключении. См. с. 237).

Рецензируемое исследование, в частности, создает впечатление, что на стадии христианизации изучаемых социальных структур и формального создания в них церковных организаций и церковного законодательства гораздо слабее, чем кажется, проявилось идеологическое преимущество нового вероучения, его оптимальная приспособленность (а может, и предназначение) для формирующихся классовых обществ. Строгость, системность исследовательских тезисов книги не исключают такого вывода. Преимущество идеологии христианства для классового общества воспринималось верхушкой того или иного раннефеодального государства, скорее всего, лишь интуитивно, лишь на основе чисто внешних, практических проявлений, которые можно было видеть на примере реалий Восточно-Франкского королевства или Византии. Ведь не случайно в книге постоянно отмечается, что погребальная обрядность языческого типа и ее элементы имеют очень длительную историю и после формального крещения и господ, и народа. Правда, в заключительном разделе монографии авторы на первое место ставят именно идеологическую функцию новой религии как санкции переворота и разрыва с общественным строем прошлого (с. 238—239).

Чрезвычайная важность христианизации для утверждения межгосударственного паритета в эпоху формирования в Центре и Юго-Востоке Европы находит свое частичное подтверждение в разделе, посвященном развитию межславянских и иных культурных связей в период христианизации (автор А. И. Рогов). Сравнительно небольшой раздел насыщен разнообразным и ярким материалом о развитии славянских культур как своего рода сообщающихся сосудов. А. И. Рогов прослеживает богатую традицию межславянских культурных связей, ставя в центр внимания контакты с Киевской Русью. Это и поток на Русь переводных (с греческого) и оригинальных болгарских книг, и влияние болгарской графики, и преемственность в строительной технике и архитектуре (причем не в рамках традиционных византийско-русских контактов, а болгаро-русских). Это и сербско-русские контакты в области переводов с греческого. Это, наконец, русско-южнославянские, т. е. обратные, контакты,

выражавшиеся, в частности, в бытовании на южнославянской почве произведений древнерусской агнографии, и т. д. Интересны страницы раздела, посвященные культурным взаимоотношениям Древней Руси с Чехией и Польшей.

Вполне закономерно, что монографию завершает большой раздел, в центре которого не только интересные обобщения процесса христианизации в Центральной и Юго-Восточной Европе в целом, но и предпринята попытка вписать в эту панораму церковно-политические процессы в Киевской Руси. Сделано это весьма убедительно.

Так же как и всюду в Центре и на Юго-Востоке Европы, в Киевской Руси были и весьма ранние, но временные проявления христианства. Так же как и повсюду, развитие общества и государства в конечном итоге привело к необходимости смены идеологической надстройки. Вместе с тем в отличие от славянских стран Европы Древнерусское государство стояло в эту эпоху перед возможностью выбора не только христианства, но и мусульманской религии. В том, что чаще всего перетянуло христианство, немалую роль сыграла преобладающая роль в системе внешних связей Руси, Византии и христианских государств Балканского полуострова. Наконец, сам акт крещения в Киевской Руси легко вписывается авторами в ту историческую ситуацию, когда он происходит уже в период относительно высокого уровня развития раннефеодального государства. Так было в Польше, так было в Великой Моравии, так было и в Киевской Руси. В методологическом плане этот вывод безупречен. Там, где в период крещения не было сопротивления «людей», там налицо зрелый государственный организм и высокая степень консолидации господствующего класса.

Вопрос о статусе вновь созданной церковной организации в отличие от Центра и Юго-Востока Европы не играл, как полагают авторы, в Киевской Руси столь значительной роли. Хотя сам акт христианизации свидетельствует о силе государственной власти киевского князя, но абсолютной самостоятельности церковная организация (что было в Польше и Венгрии в X—XI вв., а в Болгарии в IX в.) на Руси не достигла. Авторы заключения оценивают этот «промах» как свидетельство полной неактуальности этого вопроса для такого государства, как Киевская Русь. Зависимость киевской

митрополии от Константинопольского патриарха реально не могла вести к политической зависимости от Византии (с. 244).

Как и во всех основных регионах, на раннем этапе христианская церковь в восточнославянских землях в конце X—XI в. была в сильнейшей зависимости от светской власти (и государства, и отдельных феодалов). Конкретный механизм получения феодальной ренты был схожим с тем, что авторы и ныне исследователи наблюдали по Чехии и Польше. Земельные владения церкви на Руси, как и в Центральной Европе, появились не ранее второй половины XI в. Хотя церковное законодательство Киевской Руси не входило (как в западнославянских странах) в общегосударственные статуты, но по своим функциональным назначениям оно было аналогичным.

Существенны отличия Руси и в распространении христианства в народных массах. Обширная территория, этническая пестрота приводили к замедленным темпам и неравномерности этого процесса. В целом по Руси христианизация более или менее завершается примерно лишь к концу XIII в. Авторы отмечают гибкость политики древнерусского духовенства, позволившей избежать острых и напряженных конфликтов, которые были характерны для Центральной Европы IX—X вв. Подчеркнута и весьма активная идейная деятельность древнерусской церкви, ее акции по защите «сирот», порицанию несправедного богатства, мздоимства, клеветы, произвола властей и т. п., сочетавшиеся с проповедью покорности. В главе подчеркнута и сравнительно большая связь древнерусской церкви с народными массами, ее более активная общественная роль, меньшая зависимость от иноземной церковной иерархии и, как следствие этого, сильное влияние церкви в массах. Весьма существенным фактором, обусловившим эти особенности, авторы считают развитие письменности на родном языке (в отличие от Венгрии, Польши, а также в конечном счете Чехии и Хорватии).

Подводя итог, следует отметить, что рецензируемая монография, посвященная изучению христианизации в пределах огромного ареала Юго-Востока и Востока Европы, вносит весомый вклад в исследование закономерностей исторических процессов.

Л. В. Милов